

ALLIANCE AGAINST TRAFFICKING IN PERSONS

“Stolen Lives, Stolen Money: The Price of Modern-Day Slavery” (25-26 June 2013)

Panel 1: Historical and contemporary slavery

Speaker: **Dmitry A. Khitrov, Associate Professor of Russian History, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation**

Продажа крепостных и движение населения в XVIII веке¹

1. В России XVII-XIX вв. был достаточно широко распространен несвободный труд. Речь идет не только о крепостном праве, но и о различных формах обязательных «служб» в пользу государства, приписных к заводам и т.п. Согласно подсчетам, выполненным нами для проекта The Global Collaboratory for the History of Labour Relations, в 1678 г. в такие трудовые отношения было вовлечено около 4,8 млн. чел. (из 10,5 млн. населения Московского государства, исключая Украину), в 1795 г. - порядка 13 млн. чел. (из 38 млн. чел. Населения Российской империи). Такая ситуация характерна для стран Центральной и Восточной Европы того времени (Польша, Австрийская империя, Восточная Пруссия), и в ней заложены определенные предпосылки для развития явлений, сходных с современной торговлей людьми.

2. В то же время имеются и значительные отличия. Обычно предпосылками для торговли людьми в современном понимании слова являются отсутствие у жертвы собственного хозяйства и ее слабая вовлеченность в общественные отношения. Между тем крепостные крестьяне владели собственными дворами, распоряжались наделной землей и были организованы в общины; исторически крепостничество возникло именно как зависимость общины от землевладельца, и поземельный характер этой зависимости сохранялся и даже подчеркивался в законодательстве XVIII века. В современной англоязычной исторической науке специалисты отказываются от термина ‘slavery’ для передачи понятия «крепостное право», заменяя его термином ‘serfdom’.

3. В подавляющем большинстве случаев продажа крепостных – это продажа вместе с землей и хозяйством. Строго говоря, при этом продаются не люди как таковые, а право получать земельную ренту вместе с определенными публично-правовыми функциями. К сожалению, исследования, позволяющие количественно оценить продажу крестьян вместе с землей, на сегодняшний день отсутствуют. По косвенным данным можно считать, что она едва ли имела широкое распространение. Так, исследования, сопоставляющие пофамильный состав дворян-землевладельцев на одной и той же территории в XVII-XVIII вв., показывают, что он меняется очень медленно. Это вполне объяснимо: землевладение было основным источником богатства и главным показателем социального статуса дворянского рода, и продажа земель была крайней мерой, к которой прибегали только в исключительных обстоятельствах. Кроме того, продажа земель была стеснена и законодательно (например, указ о единонаследии, действовавший с 1714

---

¹ Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект № 8256.

по 1730 гг.), и рядом таким пришедшим из средневековья правовым обычаем, как родовой выкуп вотчин.

4. Можно было бы предположить, что торговля людьми играла решающую роль в освоении южных и восточных окраин страны. Имеющиеся данные не подтверждают этого. Организованное переселение части крестьян на новые земли (наподобие описанного С.Т.Аксаковым в «Семейной хронике») требовало больших усилий не только со стороны переселяемых, но и со стороны их бывших односельчан; соответственно, организовать его мог только помещик – владелец «старого» села, но никак не дворянин, выкупивший часть его обитателей. Индивидуальные же переселения крепостных, как правило, совершались в форме бегства. Слабость сыска на окраинах и большая потребность земле- и заводовладельцев в рабочих руках давала беглому, попавшему на Урал, в Оренбургский край (в первой половине – середине XVIII в.) или в Новороссию (в конце века) хороший шанс скрыться от хозяина.

5. В ином положении находились дворовые люди, зависимость которых была личной, а не поземельной. Случаи их продажи (которые составляют основную массу широко известных публике объявлений в газетах первой половины XIX в.) значительно ближе к торговле людьми в ее современном понимании. Следует, однако, указать на ряд ограничений: эта торговля могла производиться только внутри весьма ограниченной социальной группы – покупатель должен был быть, как и продавец, дворянином и землевладельцем. Не владеющий землей дворянин не мог купить крепостных; именно поэтому в «Мертвых душах» Н.В.Гоголя Чичиков вынужден «покупать крестьян» «на вывод», для «переселения в Херсонскую губернию».

К сожалению, систематического исследования о продаже дворовых на сегодняшний день тоже нет; отдельные наблюдения могут быть сделаны на основе цен. Резкое различие между ценой молодых мужчин (как правило, 150-300 руб. и даже выше в конце XVIII века) и всех остальных людей (за редкими исключениями, в пределах 50 руб.) наводит на мысль о том, что рынок крепостных людей был, прежде всего, рынком рекрутов. Кроме того, исключительно большая вариация говорит об отсутствии правильных рыночных механизмов, специализированных посредников и, следовательно, об относительно слабой распространенности самого явления.